

Глава 1

Полевой госпиталь, разбитый на краю поселка, был переполнен. Сквозь пластиковое окно брезентовой палатки Андрей видел белую шапку снега на вершине горы и острые пики пирамидальных тополей. Но даже эта спокойная непритязательная картина вызывала боль в душе. Там царил мрак, и в самой глубине этого мрака тяжелым грузом лежал камень. Раньше, в той жизни, ему не приходилось задумываться над выражением «камень с души снять», теперь он это понимал. Иногда, чаще после укола, его мысли забивались в угол и он не мог найти их, а отсутствие всяких мыслей не беспокоило его. Тогда Андрею снилось, что он плывет в лодке по реке. Он четко видел берега с плешинами леса и спокойный горизонт с одеялами облаков. Лодка плыла сама, не нужно было грести. Он просто лежал на дне и глядел вокруг. Иногда в этом сне он ощущал себя ребенком, думал о рыбалке, и радостные предчувствия охватывали его. Но такое случалось редко. Чаще его подбрасывала среди ночи какая-то сила, и он вспоминал: нога! Мысль была пронзительной и хлесткой, как удар наотмашь. Правая нога... Он отодвигал одеяло и с

опаской, как чужую, осматривал эту неподвижную, бесчувственную конечность, пальцы, которые, как он ни силился, не могли произвести даже слабого движения, линии вен, обнимающие ступню...

Зачем он остался жить? Кому он нужен, калека в двадцать пять лет? Что его ждет?

В палате воняло ихтиолкой и кровью. Когда вошла врач в сопровождении своей свиты, Андрей отвернулся к стене и притворился спящим. Нечего. Одни и те же вопросы, одни и те же слова. Он все о себе понял. Сам во всем виноват. Никто не гнал его подписывать контракт на пять сверхсрочных лет. Он мог бы давно гулять на гражданке. Выходит — не мог. Когда узнал, что Ленка выходит замуж и уже беременна от своего будущего мужа — он понял, что не вернется. Обида и ревность так жажнули, что он стал бросаться под пули. Пули дуры настигали совсем не тех, кого надо. Когда убило Саньку, Андрей просто ошалел от нелепости этой смерти. Санька был на пороге дембеля, дома его ждала молодая жена. Зачем? Какой смысл?

Какой смысл в том, что его, Андрея, пули обходили стороной как заговоренного, словно оставляя на потом для какой-то своей, корыстной цели. Смерть издевалась над ним.

И теперь вот она, старая карга, не захотела забрать его в свои объятия, а небрежно оттолкнула, оставив — молодого, рослого, здорового — с безжизненно-неподвижной ногой. К чему? Лучше бы он вместо Саньки... Андрей скрипнул зубами. Как раз в это время над ним раздался суховатый, как обычно, немного усталый голос Одинцовой.

— Спит? Придется будить. Его нужно приготовить к отправке.

Андрей резко повернул голову:

— Куда меня? Вы же говорили, что будете советовать насчет меня! Что будете делать операцию! Что же, я так и останусь теперь?

Андрей приподнялся на локте, зло и одновременно просительно впился глазами в Одинцова.

«Что она здесь делает? — пронеслось в голове, когда он в тысячный раз вглядывался в усталое лицо не первой молодости. Строгие брови, грустные серые глаза. — Она-то зачем здесь?» Андрей не мог найти оправдания присутствию этой женщины в зоне боевых действий. «Наверное, военнообязанная», — нашел он более-менее подходящее объяснение и, потеряв к ней всякий интерес, уронил голову на подушку. Он знал, что она скажет. Он не верил врачам. Кто он такой? Пушечное мясо. Хотел войны? Получил.

— Вы полетите в госпиталь, Голубев, — неожиданно мягко заговорила Одинцова. — В хороший госпиталь в средней полосе России. Здесь нет условий для той операции, которая вам необходима. А там есть. Вы полетите вместе с другими ранеными. Сначала в Ханкалу, затем — в Самару.

— Можно подумать, там меня сразу поставят на ноги!

Что Андрей не умел контролировать, так это дыхание. Грудь сама собой стала тяжело вздыматься, выдавая его состояние.

— Это не исключено, — уклончиво ответила Одинцова.

— Я хочу остаться здесь! — снова с проснувшимся жаром заговорил Андрей. — Я могу быть полезным здесь. В своей роте. Я не хочу домой. Понимаете? У меня нет дома. Меня никто не ждет.

Одинцова переглянулась с людьми из свиты. Что-то мелькнуло в ее глазах, за выражением которых Андрей жадно следил.

— Как это — никого нет? — строго переспросила Одинцова, хмуря брови. Он был не первый в ее практике — молодой парень, не желающий жить. Она рассердилась. — А ваши родители?

— Отец умер от инфаркта, а мать... Матери я вообще не помню.

Одинцова пожала плечами.

— Не знаю, не знаю. Тем не менее вас кто-то разыскивает. Вчера я разговаривала с вашим командиром. Пришел запрос из Софрина. Вы ведь из Софринской бригады?

Андрей растерянно кивнул. Какие такие родственники? Кто может искать его после семи лет службы? Это какая-то ошибка. Если и были у него какие-то родственники, то видел он их последний раз на похоронах отца, пять лет назад. Ему тогда дали короткий отпуск, и он летал на похороны. После этого Андрей не выезжал за пределы Чечни. Он сжился с войной, пропитался ею. Знал, что здесь, в своей роте, он нужен. Необходим. А там он всеми забыт. Если у него и остались какие-то родственники, то они не в курсе — жив он или нет.

— Это какая-то ошибка, — уверенно буркнул Андрей. — Я не знаю никаких родственников. И не собираюсь ни для кого становиться обузой. А если мое руководство старается, ищет мне опекунов, то напрасно!

Андрей вдруг понял, куда клонит докторша. Они подсутились. Его же нужно куда-то девать, а девать некуда, следовательно, нужно подыскать каких-нибудь родственников, седьмую воду на киселе, которые согласятся взять его к себе из жалости.

— Я не просил вас об этом. — Андрей почувствовал, что багровеет и начинает тяжело дышать. — Я не хочу возвращаться!

Он снова приподнялся и просверлил взглядом непроницаемое лицо Одинцовой. Она словно заслонилась от него прозрачной стеной, закрылась наглухо. Это обстоятельство вывело Андрея из себя.

Он пробьется сквозь этот панцирь! Он скажет все, что думает о них, этих дамочках, играющих в мужские игры.

— Здесь мой дом! — яростно заговорил Андрей, чувствуя, как дрожат мускулы рук. — Я хочу, чтобы моя могила была здесь, среди друзей! Там меня все забыли и предали. Сначала — мать, потом — любимая девушка. Я умру здесь! И точка! Я не полечу ни в какой госпиталь. Мне не надо никакой родни сердобольной!

Андрей не замечал повернутых к нему лиц, не видел ходячих раненых, столпившихся в проходе. Он видел только бледное непроницаемое лицо докторши, ее сужившиеся глаза, темные точки зрачков. Если бы она не перебила его, заговорив негромко, но жестко, он наговорил бы ей гадостей.

— Прекратите истерику, Голубев, — четко произнесла она, еще больше бледнея. Морщинки вокруг глаз натянулись как провода. — Ведете себя как мальчишка!

Ее скулы начали розоветь от волнения. Она наклонилась над ним и произнесла, глядя прямо в его лицо:

— Ты успел понять в свои двадцать пять, чего стоит жизнь? День, минута, миг? Какое ты имеешь право рассуждать о смерти, если остался на земле хоть один человек, который думает о тебе? Салага!

Солдатское словечко из уст этой женщины особенно обожгло Андрея. Он отвернулся резко и накрыл голову подушкой. Но докторша и не собиралась ничего больше говорить. Она уже торопливо шла к выходу. Свита двинулась следом.

Андрей не видел, как они уходили, но сквозь одеяло чувствовал их осуждающие взгляды.

Он вытащил голову, только когда понял, что врачи далеко. Но, выбравшись из своего укрытия, он сразу наткнулся взглядом на соседа, тоже сверхсрочника. Тот, видимо, только и ждал, когда Андрей выберется из своего укрытия.

— Она здесь мужа похоронила, — кивнул сосед в сторону выхода. Андрей понял, что речь о докторше. — Так что ты не думай, она не со зла.

— Да пошли они все! — Андрей стукнул кулаком по металлической перекладине. — Я никого не просил разыскивать мне каких-то дальних родственников! Сам проживу.

— Насколько я понял, это родственники тебя разыскивают по собственной инициативе.

— Как же, — горько усмехнулся Андрей, — жди.

Больше он в этот день не сказал ни слова.

Кто-то сильно тряхнул ее за плечо, и от неожиданности она вздрогнула всем телом. В привычной бледно-молочной синеве, сочащейся сквозь окно, Наташа разглядела выступ будильника на тумбочке, блики на полированном шифоньере, красную рыбину, неторопливо плывущую в аквариуме. Никого нет. Да и быть не может!

Она сама неделю назад проводила мужа с дочкой к свекрови в деревню и вернулась оттуда только вечером. Домой они придут теперь в следующий понедельник. На работе Наташа не успела побывать, а потому никакими проблемами не озадачилась. Так что же? Что?!

Между тем тревога уже обступила ее со всех сторон и буквально не давала дышать. Наташа дотянулась рукой до ночника, нажала кнопку. Свет неприятно реза-

нул по глазам. Половина второго ночи. Что ее могло разбудить? В том, что толчок был неспроста, Наташа даже и не сомневалась. За свои тридцать девять (Боже! почти сорок!) она научилась распознавать в себе эти приступы интуиции. И прислушиваться к ним. Они наплывали независимо от времени года и часа суток, предупреждая ее о важном.

Теперь необходимо сосредоточиться и вспомнить. Что, собственно, ее могло так встревожить?

Свекровь? Конечно, свекрови живется несладко с дедом. Тот, мало того что пьет, теперь еще и озоровать начал. Она и жить-то с ним в одной избе не может — разбежались: он в доме, она на летней кухне. Но разве Наташу свекровькиными проблемами удивить? У нее самой ненамного лучше. Рожнов весь в отца и к старости, если доживет, станет еще хлеще папаша.

Нет, тут другое. Лерка?

Наташа выбралась из-под одеяла, сняла со стула свой велюровый халат. Ногой задела Леркину школьную сумку, откуда вывалились тушь и коробочка с тенями.

Ну вот! А Наташа этих теней обыскалась! Всю квартиру перерыла в прошлую субботу, когда собиралась на концерт. Наташа собрала с пола косметику и сунула в ящик тумбочки. Лерке пятнадцать. И она потихоньку «двигает» мать, отвоевывает территорию. Колготки отнимает, косметику. До одежды, правда, дело пока не доходит. Наташа полновата, хотя фигурой своей в общем-то довольна, худоба ей совсем не идет. А Лерка в отца — длинноногая, худая. Личико вытянутое, яичком, и нижняя губа такая же пухлая, как у Рожнова. У Наташи в возрасте Лерки была совсем другая фигура. Та же худоба, только все как-то непропорционально — руки уж слишком тонкие, а бедра широкие. Не пойми не разбери. Вот когда Лерку родила — округлилась, выров-

нялась. Расцвела. Тогда как-то сразу мужики стали за-
сматриваться. Тогда и сама на себя по-другому стала
смотреть. Жесткие волосы цвета соломы, которые с дет-
ства совершенно неподконтрольно вились, а в корот-
кой стрижке отчаянно топорщились, удалось только к
окончанию института обустроить во что-то более-ме-
нее стильное. Теперь они придавали Наташиной рас-
полневшей фигуре необходимую завершенность, лежа-
ли волнами до лопаток, густой шапкой обрамляли голову.
Роскошная соломенная грива делала ее заметной, где
бы она ни появлялась.

А Лерка и волосы умудрилась перенять рожновские.
И даже не Сергея, а свекровкины — беленькие, легкие
и жиденькие.

После мытья и сушки феном Лерка напоминает оду-
ванчик на длинной ножке. Нет! С Леркой ничего не
могло случиться, тем более в деревне. Там она «как у
Христа за пазухой» — припомнилось свекровкино вы-
ражение. Они хоть и просиживают на лавочке до утра
всей компанией, но там все на виду, хулиганов напере-
чет знают, молодежь тоже вся своя, выросли на глазах.

Лерка любит деревню. Все каникулы там, еще ни
одних не пропустила. И на выходные — тоже туда. У
нее и друзья-подруги все в деревне. Тоже городские,
съезжающиеся к бабкам-дедкам на каникулы.

А тут, в городе, подружка только одна, Аня. Но уж
зато дружат так, что дня не могут друг без друга. На две
недели разъехались, а уже письма пишут...

И тут Наталью как прострелило. Голове под шап-
кой волос стало сначала резко горячо, а затем так же
холодно.

Письмо! Вот что ее разбудило среди ночи и стуча-
ло в груди, не давая успокоиться! Лерка, провожая мать
на автобус, сунула ей письмо для Ани и велела опус-

туть в почтовый ящик в городе, чтобы побыстрее дошло. Аня гостила у дяди в Тольятти, и Лерка писала туда потому, что до учебного года оставалось две недели — дожидаться, видимо, встречи было невозможно. Письмо Наташа отправить не успела, поскольку электричка опоздала на час, и домой она попала только в сумерках. Протопала мимо почты, не бросился ей в глаза почтовый ящик, и она про письмо не вспомнила. И вот теперь белый конверт лежит на письменном столе, издевательски взирая на Наташу круглыми Леркиными буквами. Что такое она сообщала своей подружке важного на нескольких страницах, среди довольно однообразной жизни в деревне? Какие события торопилась описывать?

Лерка — росوماха. Нет в ней собранности, аккуратности и даже элементарной сосредоточенности. А тут толстенное письмо накатала. И не засунула его между книжных страниц, как обычно, забыв отправить, а вручила матери, зная, что та пойдет мимо почты, и...

Наташа взяла в руки письмо, и оно показалось ей прохладным и тяжелым. Она повернула его к себе заклеенной стороной, попыталась отогнуть край. Лерка и тут постаралась. Заклеила на совесть, что вообще не было похоже на нее. Тщательность, с которой было запечатано письмо, только подлила масла в огонь. Теперь Наташа встревожилась не на шутку. Все связанное с Леркой последние два года было щедро усеяно колючками, на которые Наташа то и дело натыкалась. У кого имеются дети Леркиного возраста, не станут упрекать Наташу в том, что ее так и подмывало прочесть дочкино письмо. С любопытством тут нет ничего общего. Мы часто ограничиваемся пятнадцатиминутным общением с детьми между ужином и просмотром очередной серии. Нам в тягость проверка уроков. А уж о родительских собрани-

ях в школе и говорить нечего — острый нож. Но однажды к вашей нескладухе, с трудом вылезшей из очередной ангины, начинает захаживать мальчик из выпускного класса и дарит ей на 8 Марта французские духи.

Вначале бывает легкий шок. Его сменяет досада на то, что все это случилось как-то слишком скоро, не вовремя, потом охватывает смутная тревога, которая прочно обосновывается внутри и уже не отпускает. У Наташи так и было. Собственно, Леркин кавалер ей даже нравился. Не чета ее деревенской зазнобе — хулигану и выскочке Рябову. Наташа навела справки о Леркином мальчике и выяснила, что мальчик продвинутый, учится в математической школе, мама и папа работают в налоговой инспекции. Наташа даже немного комплексовала, дура, перед мальчишкой за свою квартиру, не облагороженную евроремонтом, за безработного Рожнова, протирающего штаны на диване и вечно пьяного. Леркин мальчик ее напрягал. Но когда Наташа наткнулась на ту записку, то чувства приняли другой оборот. Обрывки пресловутой записки предназначались для мусорного ведра, но задержались в ящике стола, и когда Наташа уже собиралась смахнуть их в совок, ей в глаза бросилось словосочетание «половым путем». Это совершенно недетское газетное выражение было выведено детским Леркиным почерком. Наташа услышала, как за ребрами застучало мелко-мелко, и выгребла обрывки записки на газету. Через полчаса она сложила из них Леркино послание подруге, в котором оказалось предостаточное количество подобных слов. Лерке тогда было всего четырнадцать, и ее дружба с математиком Максимом, с одной стороны, волновала Наташу, но с другой, даже устраивала, поскольку в деревне имелся некий Юра, в которого Лерка была влюблена с шестого класса и

который вызывал у Наташи чувство стойкой неприязни. Страшный как атомная война, он производил впечатление невоспитанного балбеса. Наташа рада была, что Максим наконец заслонил собой Юру. Но долго радоваться ей не пришлось. Из записки она поняла, что Максим, посоветовавшись со своим другом Лешей, предлагает им с Аней вместе встретить Новый год. Вчетвером. И встречу Нового года отметить расставанием с девственностью.

Пока Наташа дочитала составленную из кусочков записку, она потеряла год жизни. Не меньше. У нее перед глазами пронеслась вся Леркина жизнь — от первого кормления в роддоме, через детский сад и до самого четырнадцатилетия. В записке Лерка очень здраво рассуждала о болезнях, передающихся половым путем, а также о возможной беременности. Наташа вспомнила, как сама рассказывала дочери обо всем этом, и теперь Лерка пыталась убедить подругу не соглашаться на предложение мальчиков. Но весь тон записки, серьезность, с которой рассматривалась проблема, свидетельствовали о том, что Лерка колеблется. В предложении так необычно встретить Новый год сквозило что-то вроде заговора, тайны, что всегда так привлекает романтических дурочек. После этой записки Наташа не знала покоя. Даже когда Лерка побожилась ей в том, что не согласилась на это предложение. Даже после того, как рассталась с умным предприимчивым Максимом. Кстати, Юра в деревне только этого и дожидался! И если положительный Максим предлагал Наташиному одуванчику безоглядно вступить с ним в заманчивые взрослые отношения, то чего ожидать от хулигана Юры?

Все лето с наибольшими перерывами Лерка провела в деревне. Туда же ежегодно на все каникулы отправля-

ют и Юру. Подальше от соблазнов большого города. Какие мысли могут занимать летом голову семнадцатилетнего балбеса — догадаться нетрудно. Наташа с письмом метнулась на кухню. Смутно припоминая уроки истории из детства, повествующие о конспиративных манипуляциях революционеров, Наташа поставила на газ кастрюлю с водой и, едва сдерживая дрожь, стала ждать, когда закипит. Из состояния полутранса ее выдернул телефонный звонок. Она метнулась в спальню. Звонить в два часа ночи мог только один человек. Когда Наташа услышала его мягкий приглушенный голос, почувствовала привычное покалывание в области уха, откуда тепло ринулось по шее, к груди, а оттуда — в низ живота: Женя!

— Разбудил? — рокотал его нечеткий голос, продираясь сквозь две сотни километров.

— Нет, я не спала. Ты где?

— В подъезде, на лестничной клетке. Я тебя люблю.

Наташа ярко представила Женю, сидящего ночью на ступеньках подъезда с прижатой к щеке пластинкой мобильного.

— Поругались?

— Нужно что-то решать. Мы должны встретиться.

Наташа молчала. Этот разговор был бесконечен и всегда начинался ровно с середины. А реплики варьировались в зависимости от Жениного душевного состояния. И того отклика, который они в ней вызывали.

— Нужно что-то решать. Прикажи мне все бросить и приехать за тобой. Ты бы решила все начать с нуля? Уехать ко мне?

В зависимости от собственного настроения Наташа могла ответить что угодно. Да. Нет. Это не меняло дела.

— Если я сейчас приеду за тобой, ты готова все бросить?

— Готова, — наугад ответила Наташа, без труда улавливая запах его кожи с легкой нотой почти выветрившегося одеколона и вкусным шлейфом дыма «Явы».

— Нет, правда? Уволишься с работы?

— Уволюсь. Где мы станем жить?

— У меня на даче. Я все приведу в порядок, я...

— А твоя жена?

— Что ты сразу хватаешься за жену? Ты нарочно начинаешь эту тему. Я ведь не спрашиваю, что станет делать твой муж без тебя.

— Я и так знаю. Он очень быстро сопьется и превратит нашу квартиру в бомжатник. Здесь будут ночевать его коляны, тыквы и петровичи. Они превратят в дрова кухонный гарнитур, за который я расплачивалась три года.

— Какая проза! Как ты можешь думать о каком-то там гарнитуре в два часа ночи?

Наташа вспомнила, отчего проснулась. Она только на минуту забыла, а теперь снова вспомнила. Белый конверт смотрел на нее с вызовом.

— Кстати, о прозе. Как прошел твой творческий вечер?

— Плохо. Телевидение не приехало, — ворчливо сообщил Женя. — Родственники, которые обещали помочь с продажей книг, подвели, пришлось все делать самому. Все прошло комом.

— А жена?

— Она говорит: не понимаю, зачем тебе все это нужно. Вполне можно обойтись и без песен, и без басен. И уж конечно, без этих, как она выражается, показательных выступлений.

— Из-за этого вы поругались.

— Нам давно уже не нужен повод, чтобы поругаться, ты же это знаешь. Мы перестали понимать друг друга. Ты не ответила мне на вопрос.

— Бородин, ты прекрасно знаешь, что я не поеду в вашу деревню.

— Какая деревня? Ты сама говорила, что у нас очень милый поселок городского типа, что здесь обалденная природа. Чем тебе не нравится наш санаторий?

— Отдыхать — нравится. Не нравится ходить в один магазин с твоей женой, постоянно встречаться с ней на улицах, чувствовать на себе косые взгляды всех (всех!) в поселке, поскольку вы все там друг у друга на ладони. Приезжай лучше ты. У нас — город.

— Ташка... Ты же знаешь, солнце мое, я не могу бросить свою работу. Где еще я найду такое место сейчас?

— Я все знаю, Бородин. Тебе сорок восемь лет, ты главный врач санатория, тебя там носят на руках... Я ничего от тебя не требую. Ты сам завел этот разговор.

— Да, но... Ты любишь меня?

— Очень.

— Мы встретимся? Приезжай завтра. Я все устрою. У нас сейчас мало народу. Сезон кончается.

— Завтра не могу, — призналась Наташа, не отрывая глаз от письма.

— Что-то случилось?

— Пока не знаю, — честно ответила она.

В трубке послышался какой-то шум, скорее всего — хлопнула входная дверь подъезда, где сидел Бородин.

— Я позвоню тебе завтра, — торопливым полупшепотом пообещал он. — Ты будешь дома?

— Не знаю, — эхом отозвалась Наташа.

Она вновь осталась один на один с белым четырехугольником письма. Из кастрюли на кухне валил пар. Наташа стала держать конверт над паром, обжигая пальцы. Бумага разбухла, стала влажной. Когда Наташе уда-

лось открыть конверт, руки ее дрожали, а сердце металось между горлом и животом.

Круглые Леркины буквы бросились врассыпную, затем слиплись в слова, а те, в свою очередь, горохом покатались перед глазами.

«Почему это бывает так больно?» — наконец сложилось в единую строчку. Наташа попыталась взять себя в руки и прочитала первые пять строк. Дойдя до строчки про «больно», вернулась к началу. Что-то внутри, натянутое до предела, со звоном лопнуло, и теперь в голове стоял монотонный звон.

«Первый раз у нас ничего не получилось, я убежала, — сообщала Лерка. — Но Юрка уговорил меня попробовать еще...»

Наташа почувствовала, что у нее пересохло во рту. Так, что стянуло губы. Она схватила чайник и хлебнула из носика. Даже кипяченая вода отдавала хлоркой.

«Но второй раз было еще хуже! Эта ужасная боль, я думала — умру от боли! А кровь! Сколько было крови! У меня вся одежда была в крови!» Наташа поняла, что стучит зубами. Хотелось кричать, пробить стенку кулаком, завывать от обиды и непоправимости того, что случилось. Лерка, одуванчик, что ты натворила? Разве она, мать, не говорила ей? Разве не предупреждала, что секс раньше времени — как незрелый плод, жесткий и горький... Господи, что делать-то теперь?

«Аня, скажи, почему все восторгаются этим? Почему все этого хотят?» — спрашивала Лерка подругу, и Наташа проклинала расстояние, что разъединяет сейчас ее с дочерью.

Сначала она злилась на Лерку. Окажись дочь сейчас, сию минуту здесь, рядом, Наташа скорее всего отхлестала бы паршивку по щекам, накричала бы и затопала ногами. Давно ли Лерка, глядя матери в глаза,